

УДК 391(470.62)
ББК 63.529(235.7)-426
Ц 18

Л.С. Царева,

старший преподаватель, Кубанского государственного университета, ФАД,
кафедра «Дизайн костюма», тел. 8 964 91 72 157, E-mail- luizabest@bk.ru

**Платье в женском костюме казачьего населения станиц Новой
Линии (последняя четверть XIX века – 20 –е годы XX века)**
(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена анализу платья в женском костюме казаков на примере конкретного казачьего поселения. Анализ проведен в контексте истории повседневности – отрасли исторического знания, изучающего сферу обыденности человеческой жизни. Прослежены тенденции изменения женского костюма в связи с социально-историческими и культурными событиями российской истории.

Ключевые слова: женский костюм, платье, культура казаков, повседневность, повседневная жизнь, обыденность.

L.S. Tsareva,

Senior Lecturer of Costume Designing Department, the Kuban State University, FAD,
ph. 8 964 91 72 157, E-mail: luizabest@bk.ru

**Dress in a female costume of the Cossack population of the New Line
villages (the last quarter of the 19th century – 1920s)**

Abstract. The paper provides the analysis of dress in a female costume of Cossacks using an example of a specific Cossack settlement. The analysis is made in a context of everyday life history, i.e. the branch of the historical knowledge studying a sphere of the ordinary human life. The author traces tendencies in changes of a female costume in connection with sociohistorical and cultural events of the Russian history.

Keywords: a female suit, a dress, the culture of the Adyghes, daily occurrence, everyday life, the ordinary life.

История повседневности - новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности. Для исторической науки исследование повседневности является одной из задач для более глубокого и объективного изучения прошлого. Повседневная реальность обыденной жизни определяется способами организации и оформления пространства жизненно необходимых условий человека, его поведением, формой общения, модой и, в том числе, его одеждой. Целью нашего изыскания является исследование особенностей одежды казачьего населения станиц Новой Линии [1]. Изучить мир вещей, пишет Ф. Бродель, один из способов изучить само повседневное существование человека. И именно костюм как нельзя лучше характеризует и дополняет картину жизни общества на каждом этапе его развития; «... он ставит много проблем - сырья, процессов изготовления, себестоимости, устойчивости культур, моды, социальной иерархии» [2]. Исследователи - историки долгое время обращались к костюму лишь как к этнографическому источнику, и, рассматривая костюм как объект материальной

культуры, чаще всего с точностью описывали предмет исследования, в том числе и предметы костюма, иногда дополняя описания графическими изображениями, чертежами, зарисовками, технологическими процессами ее изготовления [3]. К концу XX века было предложено относиться к костюму как к части общей структуры бытия, основанной на мировоззрении нации и экономической системе государства, и через костюм приблизиться к пониманию обыденной повседневной жизни человека [4]. Поэтому в задачу исследования повседневности входит «не разглядывание мелочей», а рассматривание их в подробности, поскольку на первом месте не только само описание материального предмета, но и отношение к нему людей и всех возможных коллизий, которые повлекли за собой его существование [5]. Поскольку, сколько угодно изменяясь, костюм всегда отображает социальные изменения и почти каждый катаклизм в истории человечества вызывает значительные перемены в одежде, а это и быт, и стиль времени, а значит, в какой - то степени и образ мыслей [6]. Поэтому не случайно беседы с информаторами неизбежно наталкиваются на проблемы, непосредственно не связанные с предметом разговора, а переключаются на важные вопросы, имеющие отношения скорее к взаимодействию человека и вещи в определенных социально - исторических условиях. «Что носили?... Обычно, что и сейчас. Хорошее все было. Вам бы все только про хорошее, а как нас в голодовку душили, слушать не хотите!» - говорит Седыхова А.В [7]. Ее поддерживает Кунина В.Г.:«... я уже в Советской власти жила, как раз революция была, туда-сюда переверот был, на мне уже хорошей одежды не было. На родителях моих была... мой брат пятого года, на нем еще хорошая одежда была...» [8]. А в историю, казалось бы простого платка, Гамиев А.П. вписал почти полувековую историю государства . «... а вон у нас в шифоньере есть платок, говорит он, - ему уже лет сто. Это привозили их из Ближнего Востока, ну оттуда... это может быть из Персии или Ирана. Его приобрел отец моей тещи – они были богатые. История этого платка такая. В 33 году тестя моего посадили, у тещи осталось два ребенка, и вот она брала это барахло и меняла... За этот платок она у карачайки выменяла пол-литровую баночку кукурузы. Во время войны этих карачаев выселили, этот платок поехал в Казахстан. Потом конверсия была, карачаи вернулись. Брат в Черкесске живет. Теща поехала к нему, приходит на базар, а карачайка продает этот платок. И теща узнала эту карачайку, и карачайка узнала ее ... - платок обратно выкупили» [9].

Процесс колонизации Закубанья хотя и имел непрерывный характер, однако заселение его шло поэтапно, и каждому этапу соответствовал определенный этнокультурный состав поселян. Выходцы из различных мест, представители разных социальных групп (казаки, солдаты, крестьяне), являясь носителями традиций своей исходной территории и своей социальной среды, переносили на новые места жительства элементы материальной культуры, в том числе и костюм. По мнению ученых, костюм метропольных территорий переселенцев на новых местах поселений долгое время остался неизменным [10]. К примеру, в условиях Ставрополья, по данным Т. А. Невской и С. А. Чекменаева, складывание общих форм народного костюма переселенцев на Кавказ начала XX века началось лишь с середины XIX века, и процесс этот закончился примерно только к 70— 80-м годам XIX века [11]. На основании столь пестрой и неоднородной картины заселения Новой Линии можно предположить, что изначально в станицах женский костюм был смешанным и представлял разнообразные костюмные комплексы, основными из которых были сарафанный и поневный. Подтверждение тому - литературные источники, документы ГАКК (Государственный архив Краснодарского края), экспонаты краеведческих и народных музеев исследованной территории (к слову сказать, в отличие от сарафанов, поневный комплекс, как более архаичный, представлен только в Ставропольском музее-

заповеднике им Г.Н. Прозрителева и Г.К. Паве. В представлении людей, интересующихся костюмом кубанского казачества, женский костюм чаще всего видится как комплект одежды, состоящий из юбки и кофточки (блузы). Однако проведенные нами исследования показали, что ассортимент предметов женского костюма казачьего населения новополинейных станиц шире установленных представлений.

Как известно, вследствие активного развития капитализма во второй половине XIX века, в России произошли заметные социально экономические и культурные изменения; изменился быт широких слоев населения, значительно повысилась его покупательная способность, активнее стало употребление в быту мануфактурно - фабричных изделий, чему в немалой степени способствовало развитие отечественной текстильной промышленности. В результате усовершенствования ткацких производств, хлопчатобумажные ткани удешевились и стали доступными даже в сельской глубинке, что привело к разрушению традиционных комплексов народной одежды и в конце XIX века повсеместно, как отмечают этнографы, идет постоянная замена одних элементов традиционного костюма другими - новыми. Аналогичные процессы происходят и в кубанских станицах. В конце XIX века, благодаря хорошему сбыту и высоким ценам на хлеб в неурожайных губерниях России, сельское население Кубани, которое составляло 92% всех ее жителей, стало при деньгах. Это не могло не сказаться на торговле в области и на благосостоянии ее жителей. К тому же с проведением Ростово - Владикавказской железной дороги область получила возможность скорого, легкого и дешевого сообщения с Ростовом. Мануфактурные товары на Кубань регулярно стали поступать из Москвы, Нижнего Новгорода и, в небольшом количестве, из Ростова [12]. Бытописатели кубанских станиц, в том числе новополинейных, отмечают, что фабричные ткани вытесняют домашнее ткачество, а население домотканине предпочитает материалы, чаще всего, московских фабрик, приобретая их покупкою в местных лавках, на ярмарках и базарах в близлежащих станицах и городах [13]. Так, к примеру, в станице Ханской, по сведению литературного источника 1889 года, одежда из материала местного производства редко уже встречалась, поскольку население станицы имело «большую склонность к щегольству» [14]. Если в последней четверти XIX века у жителей станиц «... будничный наряд почти весь бывает из самодельного материи» и «нижнее белье у многих из холста домашнего приготовления», то на начало века XX века даже в нагорных отдаленных уголках края, по сведениям Л.В. Македонова, из одежды только белье, да и то не повсюду, делается из домотканины, к тому же и «бабы не хотят прясть», поскольку ситец и миткаль, пусть даже и довольно плохие, продаются в станицах по 10 - 13 копеек за аршин, в то время как грубый и толстый холст, который изредка продается иногородними - хуторянами, стоит те же 10 копеек [15]. Именно ситцевые ткани пользовались в народной среде особой популярностью. Подвижностью своей структуры ситцы в большей степени соответствовали типу городской одежды, поэтому их и стали использовать как основной материал для всего костюма. Так основной элемент поневного и сарафанного костюмных комплексов – рубаха, с рукавами из домотканного полотна, изменила свой крой и превратилась в кофту из фабричного ситца, а сарафан заменился пышной ситцевой юбкой - в одном случае, и платьем на «городской манер» - в другом. К концу XX века в российской глубинке повсеместно отмечали, что в народной среде «появляются совершенно городские костюмы: девушки носят «платья, сшитые иногда даже по журнальным картинкам («блузы» и «принцессы»)» [16]. Женское население линейных станиц не является исключением. Бытописатель станицы Хадыженской сетовал в 1908 году: «Казачки также постепенно изменяют свой образ. Простое чисто русское платье стали менять на новый лад ...» [17]. В закубанских станицах

исследователи «Кубанских станиц» отметили одну особенность: «...в западных районах особенно вблизи крупных городов, пишется в издании, имела распространение домашняя одежда (капот) покроя «принцесс» [18]. Однако, что такое «капот» и когда такая домашняя одежда имела место быть, авторы издания пояснений не дают. А вот информаторы свидетельствуют, что «капотом» называли платье. Оно так и называлось « платье - капот, оно могло быть «одноземное, цветное, полосатое и всякое из ситца, ластика, сатина, канихвасика» [19]. Оно было длинное, ровное (т.е. не отрезное по линии талии - авт.), широкое, с круглым воротником, с ровными рукавами. Рукава вверху были со складочками. Внизу было три оборки, кружавки и ленты.... красиво... У мамы было такое платье. Женщины в капоте ходили в церкву. Под платье одевали рубаху...» [20]. По устному описанию составлено было графическое изображение данного предмета одежды, и только благодаря этому платье - капот было случайно обнаружено на одной из фотографии в народном музее станицы Удобной. Платье - капот с фотографии из музея имеет силуэт сильно расширенный книзу, напоминающий косоклинный сарафан, широкую оборку по подолу, рукава, заканчивающиеся высокими манжетами из отделочной ткани, в верхней части, по окату, имеют густую сборку. Оформление горловины платья рассмотреть на фотографии не было возможным, поскольку голова казачки убрана подшальником, однако, исходя из логики композиционного решения, предположительно должен быть и отделочный воротник, на наличие которого указывал информатор. Другой информатор вспоминает: «Такое платье носила баба Наташа - широкое - преширокое, и юбки огромные. И бабушка Фисенчиха до самой смерти (1976 г.) носила широкое черное однотонное платье с оборкой внизу. Когда платье изнашивалось, она по нему выкраивала новое и шила. Поверх платья бабушка всегда надевала фартук» [21]. Со слов информаторов изготавливали платья из тканей чаще всего набивных - в мелкий цветочек, мелкую клетку, полоску, помимо хлопчатобумажных тканей использовали и домотканину, так называемую, цветную пеньку. По сведениям литературных источников носили платье покроя «принцесс» на Новой Линии и в станице Ханской (1889 г.), и на Старой – в станицах Ищерской (1893 г.) и Николаевской (1883г.) [22]. Составители «Казачьего словаря - справочника», в описании верхнедонских казачек XVIII века по А.И. Регильману отмечали, что платье их состояло, прежде всего, из длинного цветного капота тонкой материи, застегнутого под шею. Капот упоминается и в описании костюма терских казачек: «Казачье женское платье на Тереке сохраняется от прежних времен еще и теперь в некоторых деталях: бешмет, одетый на цветной капот...» [23]. Авторы «Иллюстрированной истории казачества России» 1909 года издания пишут о донских казачках, что одевались они по - азиатски в широкие штаны и рубаху, поверх которых надевали верхнее платье, которое состояло из длинного цветного капота - обычный женский сарафан или кубелек [24]. Донские и линейные казаки (Гребенской, Моздокский, Горский полки), которые изначально так же были выходцами с Дона, принимали активное участие в заселении станиц Новой Линии. Можно предположить, что «платье - капот» в новолинейных станицах, - это не только веяние городской моды, а и сохраняемая народная традиция - косоклинный сарафан в новой трактовке, и возможно не случайно платье - капот не нашло широкого распространения в других районах территории Кубанского казачьего войска.

Процесс же усвоения городской культуры в сельской местности был совсем не прост. Он в разной степени проявлялся в бедных и зажиточных семьях, одежде молодежи, людей среднего возраста и пожилых, и тем не менее в начале XX века повсеместно в российской глубинке женщины стали в качестве праздничного костюма перенимать и европейские образцы одежды. Сельское население Кубани и в этом случае не было исключением. «Мода охватывает всех, и теперь редко можно встретить

дом, где бы не было претензий на шик», - пишет бытописатель линейной станицы в 1883 году [25]. Литературные источники и архивные документы начала XX века пестрят сообщениями, что девицы и молодые женщины казачьих станиц предпочитают во всем подражать моде зажиточного и привилегированного класса, хотя подражание это своеобразно и доходит до смешного - они щеголевато одеваются на мещанский манер и даже белятся и румянятся. Особенно в «...последнее время на женских костюмах сказывается влияние общеевропейской моды», - отмечает автор очерка о станице Чамлыкской в 1904 году [26]. А в европейской моде в светской одежде происходят революционные изменения; в 1907 году Поль Пуаре впервые явил миру женское платье [27]. «... платье, которое теперь мы представляем себе как одежду, где лиф и юбка - это единое целое» [28]. Судя по фотодокументам эти платья, как и хромающие его юбки, в скором времени стали предметом праздничной одежды и в среде женского казачьего населения станиц Новой Линии. На фотографии из музея станицы Надежной 1912 года запечатлены казачки, приехавшие проведать своих мужей на службе в город Санкт - Петербург. Одна казачка одета традиционно - в кофточку (блузку - авт.) и юбку, а две другие - в платье прямого силуэта. Одно платье на фотографии выполнено из темной однотонной ткани с завышенной линией талии в стиле «ампир». Другое - однотонное, светлое имеет притачную широкую оборку по низу изделия, не сковывающую движения, длинные рукава его, вшитые в овальные проймы, с большой сборкой в верхней части, внизу заканчиваются отложными манжетами. Выпуклость груди в конструкции платья обеспечивается подрезом над грудью, в который заложены односторонние отделочные складки. Однако, наличие воротника - стойки, асимметричная застежка по плечевому срезу, оформление верхней и нижней части рукавов, посадка изделия на фигуре - определяют народность вещи, которая ни в коем случае не вступает в конфликт с социальным статусом ее обладательницы. Конструктивное решение плечевого изделия с подрезом над линией груди, было так любимо и популярно среди казачек, что использовалась в новолинейных станицах при изготовлении легких плечевых изделий до 60-х годов XX века, подтверждением чему служат сохранившиеся предметы одежды как в быту, так и в экспозициях музеев исследуемой территории, а так же широко отображены в многочисленных фотодокументах. Как отмечено выше, платье нового конструктивного решения шили обычно из «безузорной» «одноземной» (однотонной) ткани. Большой популярностью, по сведениям информаторов, пользовались тафтовые, с их слов, «шумящие» [29] ткани и «шпанская шерсть» [30]. Информатор вспоминает: «... называлось «шпанское» - черное такое, переливалось оно зеленым. Так его возьмешь, туда - сюда его начнешь, оно зеленым переливается. Оно не шерстянка, а просто так ... материал черный...» [31]. Сведение к минимуму декоративных элементов в композиции платья первого десятилетия XX века послужило толчком к более широкому использованию съемных украшений в гардеробе женщин, а именно, кружевных и узорчатых шалей и платков, которые в достаточном количестве в это время изготавливали галантерейные предприятия России. Кстати сказать, в отличие от подшальника и платка, шаль не являлась головным убором, а служила, по сведениям информаторов, лишь накидкой. На фоне однотонного платья шаль являлась главным цветовым и орнаментальным акцентом в костюме. Особой популярностью в станицах пользовались фабричные, выполненные из шелка ажурной вязкой, так называемые, «гребушные» шали с длинной шелковой бахромой и шали из проваренного шелкового волокна, которое после обработки приобретало желтоватый цвет и особую фактуру. Как дополнение к праздничному костюму казачками использовали и изделия коклюшечного кружева из хлопка или крученого шелка. Вырабатывались они в виде вытянутого в длину треугольника разных размеров, от маленьких, которые

накидываются на голову, до больших, достигающих размеров шалей, а также в виде шарфов и палантинов. По свидетельству литературных источников, изготавливались они в селе Белехна Нижегородской губернии и вырабатывались разнообразных расцветок [32]. «Музей города» Санкт - Петербурга имеет в экспозиции экспонат такого изделия, выполненного в розовом цвете; краеведческий музей, расположенный в станице Гиагинской, [33] располагает экспонатом, выполненным на переходе тонов от серого до белого; информатор из станицы Удобной вспоминает, что такое изделие выполнялось и в бирюзовом цвете. Однако казачки отдавали предпочтение изделиям черным. К сожалению, на сегодняшний день, не удалось установить точного названия данных кружевных изделий. Заметное место в костюме казачек занимали и белоземельные набивные шали, которые появились в результате налаживания на ткацких производствах в конце XIX века химической отбелилки полотен. Их многоцветный красочный цветочно растительный узор придавал особую лиричность и женственность образу обладательницы. Использовались шали с цветочным орнаментом в исследуемом регионе до 70-х годов XX века. Однако на протяжении всего этого времени предпочтение казачки оказывали не белоснежному их фону, а не отбеленному, так называемому, «кремовому».

События Первой мировой войны и последующий революционный переворот разрушил и перевернул прежние устои; изменилось не только качество жизни, изменился смысл и назначение вещей, что сделало их владельцев неузнаваемыми. Новое время явило новые каноны красоты и создало совершенно новый стандарт образа женщины, который с небольшими изменениями существует уже на протяжении десятилетий. Главная черта наступившего времени - унификация, которая выразилась как в образе самой женщины, так и в стандартизации ее одежды. В военное и послереволюционное время, в связи со сложившейся ситуацией, женские пышные формы, культивирующиеся в начале XX -го века, надолго ушли из моды, дефицит мыла и эпидемия тифа понудили женщин коротко остричь волосы; идеалом женской красоты в мире становится женщина - подросток с плоским бюстом и короткой, прилегающей к голове прической. К тому же и отечественная практика создания одежды в послереволюционное время переживает невероятные трудности. Но именно это время явилось переломным в истории создания одежды, и именно в десятилетие 20-х годов сложился костюм, который женщины будут носить весь XX век. Лишения, вызванные войной, и дефицит тканей, поскольку почти не работала текстильная промышленность, возобновили домашнее ткачество и повлекли за собой создание экономически выгодных простых платьев из, так называемых, «бедных» материалов. Простая и удобная мода была продиктована обстоятельствами. В связи с отказом европейских фирм поставлять России красители почти не выпускалось набивных тканей. Большие плоскости неокрашенного полотна требовали дополнительного оформления, поэтому одним из наиболее распространенных средств декорирования одежды в эти годы становится вышивка [34]. Однако, не следует забывать, что расцвет нового стиля в России пришелся на середину 20-х годов, когда утверждаются рыночные отношения, развиваются различные формы собственности, формируется «буржуазная прослойка» - основной потребитель и заказчик вещей. И в молодой советской республике, истерзанной революцией, гражданской войной, послевоенной разрухой, русские модельеры, не вступая в конфликт с общеевропейскими тенденциями в моде, создают новые методы художественного конструирования, что приводит к упрощению конструкций одежды и технологий ее изготовления. Из всего разнообразия силуэтов, предлагаемых модой, предпочтение отдается платью - рубашке, созданному на основе конструкций русских народных женских рубах. Как и в народных рубахах, формы послевоенного платья предельно просты и прямолинейны, однако с учетом тенденций

моды - платье 1920-х годов делится на лиф и юбку [35]. В конструкции платья предлагаются приемы так называемого «безвытачного» кроя, которые не акцентируют «женские выпуклости»; крой юбок - одинаков, они имеют одну или две складки, открывающие свободу движению. Расположение главного акцента платья - декоративного его оформления - так и остается традиционно в области груди. Новые каноны сразу же находят подражательниц и в среде молодого женского казачьего населения. Платья описанного выше композиционно - технологического решения встречаются и в музеях исследуемой территории. Музейный экспонат - подлинник такого платья из народного музея станицы Удобной, датированный 1924 годом, выполнен из неотбеленной (кремовой) высококачественной хлопчатобумажной ткани. Изделие прямого силуэта длиной, достигающей середины икроножной мышцы, по линии талии отрезное, с рукавами, собранными в обильные сборки по верхнему и нижнему краю, сами рукава вшиты в овальные проймы, по переднему полотнищу юбки две односторонние неглубокие складки. Декорировано платье в области груди вышивкой нитками в цвет ткани техникой «белая гладь» и по горловине этими же нитками маскировочными швами. Женские платья аналогичного решения отображены и в многочисленных фотодокументах исследуемой территории, и в воспоминаниях информаторов. А.Ф. Титаренко 1905 года рождения описывает подобное платье как свое свадебное: «Замуж выходила в 1924 году. Дядька подарил отрез метра три, кремовый. Ничего ж не было... Платье получилось короткое» [36]. Помимо дефицита тканей, укорочению длины служила и демографическая ситуация в стране; отсутствие мужчин в послевоенное время привело к обострению сексуального соревнования женщин, что явилось еще одной причиной повсеместного укорочения юбок. Если в начале 20-х годов как модное решение предлагалось платье с длиной до щиколоток, то к 1925 году юбки укорачиваются до колен, а в 1928 году - едва прикрывают колени; к этому времени и линия талии опускается на бедра, лиф платья удлиняется [37]. Повсеместно в станицах девушки и молодые женщины перешивают юбки из пяти - семи полков в более узкие и короткие, чему свидетельства многочисленные фотодокументы. Однако и в этих новых предложениях моды четко прослеживалось две тенденции; одни так и остались приверженцами традиционного комплекса - юбки и блузки, хотя и в новой длине, другие же кардинально изменили свой образ, надев платье, укоротив косу и, зачастую как символ нового времени повязав поверх волос красную косынку. А.В. Седыхова 1912 года рождения вспоминает: «На улице Кирьяновы девчата подевают юбки с кофтами, повыпускают зонки, оденут хвартуки с оборками... - смех ... А меня мама одевала по моде - в платье...» [38].

Итак, в ходе исследования удалось выявить, что такой предмет одежды, как женское платье, в его современном понимании в станицах Новой Линии имел место быть. С одной стороны - под влиянием нахлынувшего фабричного текстиля в российскую глубинку в новополинейных станицах традиционный капот донских казаков (сарафан или кубелек), занесенный первопоселенцами из метрополных территорий, изменил не только свой крой, но и стал называться иначе, а именно платьем – капотом.

С другой стороны - ежегодно казаки станиц Новой Линии отправлялись на службу в Закавказье и в города, такие как Варшава и Санкт – Петербург; со времен Александра II казаки новополинейных станиц состояли в царском конвое [39]. Возвращаясь со службы в свои станицы, как отмечал бытописатель, они «выглядели более развитыми, более цивилизованными, с более изысканными требованиями к жизни» [40]. По месту службы казаков выезжали и их жены, которым приходилось соответствовать своим мужчинам и вольно или невольно следовать последним веяниям моды, перенимая, в том числе, и европейские образцы. Не чуждыми оказались населению казачьих станиц и послереволюционные каноны женской красоты.

Таким образом, на примере одного из предметов женского костюма - платья можно проследить процессы формирования и трансформации повседневности; по мере того как развивалось государство и изменялась социально - экономическая ситуация в нем - изменялись привычки, а вместе с ними изменялись и способы, которыми обычные люди вели и оформляли свою повседневную жизнь.

Примечания:

1. Новая Линия – обобщенное название казачьих пограничных поселений (передовых линий), основанных на левом берегу Кубани (в, так называемом, Закубанье) в ходе Кавказской войны 1839 – 1864 г.г. (Лабинская, Мало – Лабинская, Урупская, Адагумская, Верхне - Кубанская и др.). До 1860 г. Новая Линия составляла единое целое со Старой Линией; 19 ноября 1860 г. Новая Линия вошла в Кубанскую область.

2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII. Т. 1. Структура повседневности: возможное и невозможное. 2-е изд. М., 2006. С. 1.

3. Байбурин А.К. Некоторые вопросы изучения объективных форм культуры // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. Л., 1982. С. 14; Пармон Ф.М. Русский народный костюм, как художественно-конструкторский источник творчества. М., 1974. С. 8.

4. Савельва И.Н. Закономерности гармонии в костюме народов России. М., 2002. С. 15.

5. Пушкарева Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история: ежегодник 2007. М., 2008. С. 47.

6. Зайцев В.М. Этот многоликий мир моды. М., 1982. С. 5.

7. ПМА, 2005. Удобная станица (Краснодарского край Отрадненский район). Информатор Седыхова А.В. (1912 г. рожд.).

8. ПМА, 2004. Удобная станица (Краснодарского край Отрадненский район). Информатор Кунина В.Г. (1912 г. рожд.).

9. ПМА, 2004. Удобная станица (Краснодарского край Отрадненский район). Информатор Гамиев А.Н. (1925 г. рожд.).

10. Мерцалова Н.М. Поэзия народного костюма. М., 1975. С. 74; Бондарь Н.И. Кубанское казачество (этносociальный аспект) // Традиционная культура кубанского казачества. Краснодар, 1999. С. 58.

11. Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне. Минеральные Воды, 1994. С. 82.

12. Статистические данные о пространстве, составе населения, формах землепользования, размерах запашек, урожае, количестве скота и др. в поселениях, расположенных в районе, ограниченном средним и нижним течением р. Урупа и Белой и верхним течением р. Кубани // Кубанский сборник. Т. 6. Екатеринодар, 1900. С. 241.

13. Фарфоровский С.В. Статистическо-географическое описание города Майкопа и Майкопского отдела С.В. Фарфоровского // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1910. Вып. 41. С. 57; Измайлов И. Баталпашинск // СМОМПК. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 184; Донцов К. Невинномысская станица // СМОМПК. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 190; Нижебицкий Н. Темиргоевская станица // СМОМПК. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 271.

14. Хаустов Д. Ханская станица // СМОМПК. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 96.

15. Македонов Л.В. Хозяйственное положение и промыслы населения нагорных станиц Кубанской области. СПб., 1903. Вып. 1. С. 51.

16. Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре: иллюстр. энциклопедия / Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Е.Л. Мадлевская [и др.]. СПб., 2005. С. 147.

17. Сирота Г.С. Исторический очерк. О 50-лети (1864-1914 г.г.) населения станицы Хадыженской, составленный заведующим двухклассным станичным училищем Г.С. Сиротой // Город Хадыженск и станица Кабардинская. Юбилейный историко-краеведческий очерк /под ред. Н.Е. Тюменцева. Волгоград, 2004. С. 73.

18. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1967. С. 158.

19. Канифас - плотная хлопчатобумажная или льняная ткань, обычно с рельефными полосками; применялась для изготовления мужской и женской одежды, иногда использовалась как бельевая ткань.

20. ПМА, 2004. Малотегинская станица (Краснодарского край Отрадненский район). Информатор Дубинкина П.Ф. (1910 г. рожд.).

21. ПМА, 2004. Удобная станица (Краснодарский край Отрадненский район). Информатор Абрамчук М.А. (1961 г. рожд.).

22. Хаустов Д. Ханская станица. Указ. соч. С. 96; Бутова, Лысенко. Станица Ищерская // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 16, отд. 1. С. 50; Арканников Ф.Ф. Николаевская станица: стат.-этногр. описание Ф.Ф. Арканникова // Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар, 1883. С. 564.

23. Казачий словарь-справочник. Т. 2 / сост. Г.В. Губарев; ред. А.И. Скрылов. Калифорния, 1968. С. 202-203 .

24. Иллюстрированная история казачества России. Репринтное воспроизведение первого издания 1909 г. Волгоград, 1994. С. 106.

25. Передельский Е. Станица Темежбекская и песни, поющиеся в ней // СМОМПК. Тифлис, 1883. Вып. 3. С. 6.

26. ГАКК. Ф. 670, Оп. 1. Д. 4. Лл. 17-18. (Из коллекции документов по истории Кубанского казачьего войска. Историко-географические очерки о станице Чамлыкской, хуторе Азовском и станице Ново-Покровской).

27. Ермилова Д.Ю. История Домов моды. М., 2003. С. 31.

28. Кирсанова Р.М. Русский костюм и быт XVII-XIX веков. М., 2002. С. 165.

29. ПМА, 2004. Удобная станица (Краснодарского край Отрадненский район). Информатор Гамиев А.Н. (1925 г. рожд.).

30. Кириченко И. О браке у немцев протестантов Ванновской волости // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1895. Т. 4. С. 3.

31. ПМА, 2004. Удобная станица (Краснодарского край Отрадненский район). Информатор Кунина В.Г. (1912 г. рожд.).

32. Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1 / под общ. ред. Н.И. Бондаря. М.; Краснодар, 2002. С. 509.

33. Гиагинский краеведческий музей имени П.П. Тынченко.

34. Листова Л.М. О методе проектирования модной одежды с народной вышивкой в 1930 – годы (из опыта работы НИИХП) // Традиции народной одежды и искусство современного костюма. М.: НИИХП, 1983. С. 50.

35. Из истории конструирования / сост. Т. Сахарова, Т. Овчинникова. М.: Издание ОАО Дом моделей «Кузнецкий мост», 2000. Вып. 7. С. 2.

36. ПМА, 2004. Удобная станица (Краснодарского край Отрадненский район). Информатор Титоренко А.Ф. (Мошикова в девичестве) (1905 г. рожд.).

37. Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Чехославакия, 1986. С. 307.

38. ПМА, 2005. Удобная станица (Краснодарского край Отрадненский район). Информатор Сedykhova A.B. (1912 г. рожд.).
39. ГАКК. Ф. 391. Оп. 1. Д. 78.
40. Передельский Е. Станица Темижбекская. Указ. соч. С. 5.

References:

1. The New Line – the generalized name of the Cossack boundary settlements (front lines), founded on the left bank of the Kuban (in, so-called, Zakubanje) during the Caucasian war of 1839 – 1864 (Labinskaya, Malo-Labinskaya, Urupskaya, Adagumskaya, Verkhne-Kubanskaya, etc.). Till 1860 the New Line made as a whole with the Old Line; on November, 19, 1860 the New Line became the part of the Kuban area.
2. Brodel F. The material civilization, economy and capitalism. 15-18th century. V. 1. Daily routine structure: possible and impossible. 2nd ed. M., 2006. P.1.
3. Baiburin A.K. Some questions of studying the objective forms of culture // Cultural heritage of the nations of Europe and of the European part of the USSR. L., 1982. P. 14; Parmon F.M. Russian folk costume, as a styling-design source of creativity. M., 1974. P. 8.
4. Saveljeva I.N. The objective laws of harmony in the costume of Russian folks. M., 2002. P. 15.
5. Pushkareva N.L. The history of daily routine: subject and methods // Social history: an annual. 2007. M., 2008. P. 47.
6. Zaitsev V. M. This multifaceted world of fashion. M., 1982. P. 5.
7. ПМА, 2005. Udobnaya village (Krasnodar territory, Otradnensky area). The informant is Sedykhova A.V. (born in 1912).
8. ПМА, 2004. Udobnaya village (Krasnodar territory, Otradnensky area). The informant is Kunina V. G. (born in 1912).
9. ПМА, 2004. Udobnaya village (Krasnodar territory, Otradnensky area). The informant is Gamiev A.N. (born in 1925).
10. Mertsalova N.M. The poetry of the folk costume. M., 1975. P. 74; Bondar N.I. The Kuban Cossacks (ethnic-social aspect) // Traditional culture of the Kuban Cossacks. Krasnodar, 1999. P. 58.
11. Nevskaya T.A., Chekmenev S.A. The peasants of Stavropol. Mineralnye Vody, 1994. P. 82.
12. The statistical data on space, composition of the population, land tenure forms, sizes of ploughlands, harvest, quantity of cattle, etc. in the settlements located in the area, bounded by the middle course and lower course of the Urup River and the Belaya River and by the upstream of the the Kuban River // The Kuban collection . V. 6. Ekaterinodar, 1900. P. 241.
13. Farforovsky S.V. The statistic and geographical description of Maikop town and of the S.V. Farforovsky's Maikop department // The collection of materials for the description of districts and tribes of the Caucasus (SMOMPK). Tiflis, 1910. Issue 41. P. 57; Izmailov I. Batalpashinsk // SMOMPK. Tiflis, 1889. Issue 8. P. 184; Dontsov K. The Nevinnomysskaya village // SMOMPK. Tiflis, 1889. Issue 8. P. 190; Nizhebitsky N. The Temirgoevskaya village // SMOMPK. Tiflis, 1889. Issue 8. P. 271.
14. Khaustov D. The Khanskaya village // SMOMPK. Tiflis, 1889. Issue 8. P. 96.
15. Makedonov L.V. The economic position and crafts of the population of upland villages of the Kuban area. SPb., 1903. Issue. 1. P. 51.
16. Muzhiks and peasant women. Male and female in Russian traditional culture: illustrated encyclopedia / D.A.Baranov, O.G.Baranova, E.L.Madlevskaya [etc.]. SPb., 2005. P. 147.

17. Sirota G.S. A historical essay. On the 50th anniversary (1864-1914) of the population of Khadyzhenskaya village, written by the head of the two-class college of the village G.S. Sirota // The town of Khadyzhensk and Kabardinskaya village. The anniversary essay on local history / ed. N.E. Tyumentsev. Volgograd, 2004. P. 73.
18. The Kuban stanitsas . Ethnic and cultural-living processes in Kuban / the AS of the USSR, the Ethnography institute named after N.N. Miklukho-Maklai. M., 1967. P. 158.
19. Dimity – dense cotton or linen fabric, usually with raised stripes; it was used for manufacturing man's and lady's wear, sometimes it was used as linen fabric.
20. PMA, 2004. Maloteginskaya village (Krasnodar territory, Otradnensky area). The informant is Dubinkina P. F (born in 1910).
21. PMA, 2004. Udobnaya village (Krasnodar territory, Otradnensky area). The informant is Abramchuk M.A. (born in 196).
22. Khanskaya village. Mentioned work. P. 96; Butova, Lysenko. Ishcherskaya village // SMOMPK. Tiflis, 1893. Issue 16, section 1. P. 50; Arkannikov F.F. Nikolaevskaya village: F.F.Arkannikov's stat.-ethnogr. Description // The Kuban collection. V. 1. Ekaterinodar, 1883. P. 564.
23. The Cossack reference book. V. 2 / comp. by G.V.Gubarev; ed. A.I.Skrylov. California, 1968. P. 202-203.
24. The illustrated history of the Cossacks of Russia. Reprint reproduction of the first edition of 1909. Volgograd, 1994. P. 106.
25. Peredelsky E. Temezhbekskaya village and the songs sung in it // SMOMPK. Tiflis, 1883. Issue 3. P. 6.
26. GAKK. F. 670, Op. 1. D. 4. Ll. 17-18. (From the collection of documents on the Kuban Cossack army history. Historic and geographical essays on the village of Chamlykskaya village, isolated farmstead Azovsky and Novo-Pokrovskaya village).
27. Ermilov D.Yu. The history of Fashion houses. M., 2003. P. 31.
28. Kirsanova P.M. The Russian costume and mode of life of the 17-19th centuries. M., 2002. P. 165.
29. PMA, 2004. Udobnaya village (Krasnodar territory, Otradnensky area). The informant is Gamiev A.N. (born in 1925).
30. Kirichenko I. On marriage of the Protestant Germans living in Vannovskaya volost // The Kuban collection. Ekaterinodar, 1895. V. 4. P. 3.
31. PMA, 2004. Udobnaya village (Krasnodar territory, Otradnensky area). The informant is Kunina V. G. (born in 1912).
32. Essays on the traditional culture of Russian Cossaks. V. 1 / general ed. N.I.Bondar M.; Krasnodar, 2002. P. 509.
33. The local history museum of Giaginskaya village named after P.P. Tynchenko.
34. Listova L.M. On the method of designing fashionable clothes with folk embroidery in 1930s (NIIKHP experience) // The traditions of national clothes and modern costume art. M.: NIIKHP, 1983. P. 50.
35. From the history of designing / comp. by T.Sakharova, T.Ovchinnikova. M.: The Publishing house of OAO Fashion house «Kuznetsky Most», 2000. Issue. 7. P. 2.
36. PMA, 2004. Udobnaya village (Krasnodar territory, Otradnensky area). The informant is Titorenko A.F. (Moshikova in maidenhood) (born in 1905).
37. Kibalova L., Gerbenova O., Lamarova M. The illustrated encyclopedia of fashion. Czechoslovakia, 1986. P. 307.
38. PMA, 2004. Udobnaya village (Krasnodar territory, Otradnensky area). The informant is Sedykhova A.V. (born in 1912).
39. GAKK. F. 391. Op.1. D. 78.
40. Peredelsky E. Temizhbekskaya village. Mentioned work. P. 5.